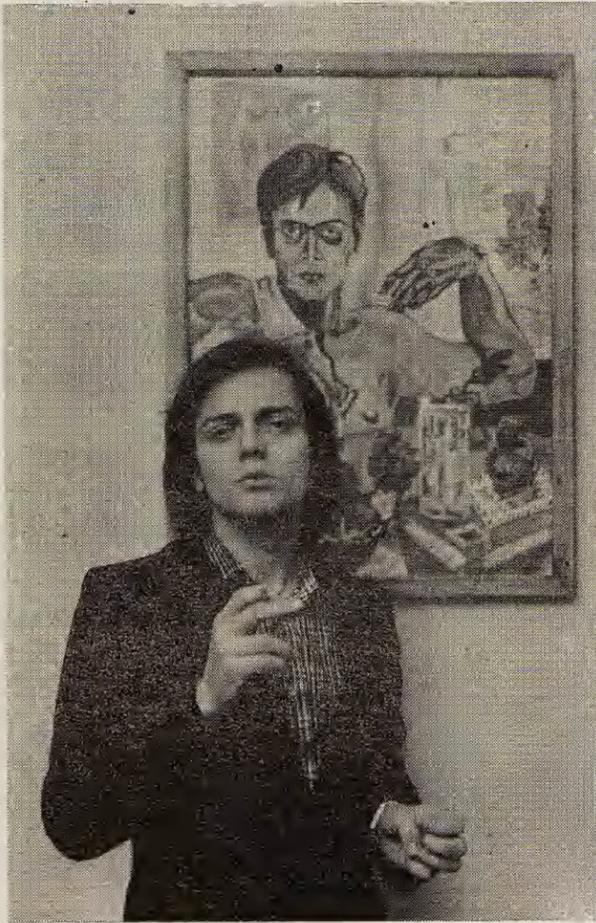

ПОРТРЕТ АКТЕРА БЕЗ ТАКСЫ НА РУКАХ

Без таксы — потому что один такой портрет уже был опубликован в 1987 году на развороте какого-то киножурнала. На фоне пурпурного бархата со старинными часами за спиной необыкновенно красивый Андрей Харитонов с таксой на руках. Чарли (так зовут таксу) постарел и обнагтел, вполне понимая, что за его возраст ему прощают вольное обращение с гостями, повышенный интерес к яствам на столе, необузданное проявление эротических наклонностей по всему живому, попадающему в дождь. Его аристократичный длинный нос и умные глаза знакомого жизни ростовщика скрывают вполне плебейский интерес к маленьким радостям, орудием достижения которых он считает Андрея. Чарли позволяет себе капризничать, привередничать, болеть, и все это не позволяет делать Андрею, потому что если хозяин заболит и раскапризничается, то кто же будет ухаживать за таким важным и сложным существом, как Чарли? Кто будет его холить, нежить, кормить и водить гулять, тем более что столь серьезное дело случайно человеку не доверится? Чарли любит свой дом, обегая его на маленьких лапках с целью инспекции. В общем, все в порядке, если бы еще Андрюша не задавал дурацких вопросов: «Что, Чарли, поедем в Америку? Вот тут-то Чарли начинает кусаться и лает! Простофиля, не понимает, что Америкой его злат, что хозяин так же консервативен, как и сам Чарли, и с удовольствием не выводит бы из дома, если бы не бесконечные предложения сниматься и необходимость гулять с собакой.

— Мало хороших сценариев, необязательно серьезных, философских, я могу сниматься и в так называемом коммерческом кино. Какой-нибудь «Черный тюльпан»...

— Ишь чего захотел! Такое еще надо уметь снимать. Вернись к своему вопросу. Из театра ты тоже ушел...

— Началась борьба амбиций, театр не разрешал совмещать себя с кино.

— И так, из театра ты ушел, хотя театр был твоей мечтой.

— Сейчас я в театре смысла не вижу. Театр давал мне очень много. Я сыграл там то, что не мог сделать в институте. И все, хватит! Делать то, что не видит зритель, я не хочу. В театр сейчас мало кто ходит. Кино, я глубоко в этом убежден, обладает такой же аурой, как мода. К нему прибавляется огромное количество людей. Эти люди устают от одного кино, начинают любить другое. Появляются новые кумиры. Я говорю о массовой продукции, оставим рассуждения о шедеврах в стороне. В создании этой моды участвую и я своим фильмом. Это украшение жизни обыкновенного зрителя. Причем в «Жажде страсти» я снял то, что мне самому не хватало как зрителю и как актеру.

— «Жажда страсти», несмотря на ужас, все же романтическое кино, а у тебя романтики было в избытке, тот же Овод, Грэй из «Алых парусов», «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты».

— Да, да, но «Жажда страсти» — это нечто другое. Правда, мне и здесь не хочется нашего реализма с показом ужасов бытия. Мои ужасы ирреальные, фантастичны, приподняты над жизнью. Люди устали видеть кино как продолжение их жизни на экране.

— Фантазия может быть не менее примитивна, чем жизнь.

— Может. И не надо переусложнять. Люди любят видеть самое простое, на них это воздевает, меняет строй мыслей и чувств. Элитарное искусство не принадлежит никому. Оно принадлежит вечности.

— В этом смысле и массовое искусство не принадлежит никому, потому что принадлежит мгновению. Ты сам читаешь примитивные книги!

— Ну нет, кино — это все же другое, это не литература. Я люблю Фитцджеральда. Он занимателен и велик одновременно. К стати, надо так и кино снимать.

— Занимательное иногда снимают, а вот великое почти никогда.

Мне кажется, что мы с Андреем начали этот разговор очень давно. Не хочу называть его спором, потому что наши позиции то похожи, то принципиально различны. Зависит от настроения, здоровья и времени года. Знаете, как бывает у людей, которые очень давно знакомы и мысли друг друга знают, иногда принимают их за свои и отстаивают с тем же рвением, с каким отстаивали нечто противоположное. Мы это понимаем и достаточно честны друг перед другом, чтобы периодически не выкрикивать: «Так, и только так!» Время юношеского максимализма мы удачно проскочили, не разрушая дружбы. Я был молодым, толстым, рано лысеющим кандидатом наук, которого прислали преподавать артистам. Среди артистов был знаменитый, уже снявшийся в «Оводе», Андрей Харитонов. Я начал свою первую лекцию с выдворения из аудитории его дамы сердца, внешне, кстати, очень похожей на таксу Чарли. Андрей не выдержал и с задором звезды институтского значения вступился за подругу, пытаясь хамануть преподавателю. Но не тут-то было, толстячок, то есть я, обладал запасом в три преподавательские остроты и с успехом выгнал студента вон. Потом мы много раз-

говаривали об искусстве. Я оценил ум Андрея, бесспорный талант, разнообразные художественные способности, особенно живописные.

— Ты сейчас рисуешь!

— Нет, сейчас я снимаю кино. Когда я готовился к съемкам, то нарисовал будущий фильм кадр за кадром.

— Ты все время работаешь, а награды нет. Раньше тебя награждали, например, государственной премией или самой престижной премией для актеров — «Золотой Нимфой», которую дают в Монте-Карло. Ее ты получил за Овода. За что ты работаешь сейчас!

— Как хорошо, что ты напомнил мне о премиях. Я о них забыл. Мне все равно. Нормальная плата за труд — нормальные деньги, которые у нас не получишь ни за что, кем бы ты ни работал.

— Ты дорогой артист!

— У нас нет дорогих артистов, есть более или менее сводящие концы с концами, хотя разница между ними и очень нищими велика, и нищих, увы, больше.

— Как режиссер ты больше получаешь!

— Пока ничего. Ты знаешь, что такое продать картину на нашем рынке?

— В общем, ты собираешься работать дальше артистом, просто выгоднее!

— Ты что, не видишь, какая вокруг жизнь? Ты же понимаешь, что задумать: я завтра буду работать артистом, — так же глупо, как задумать: я буду завтра режиссером. Может быть, завтра ни режиссерам, ни артистам вообще работы не будет, и мы пойдем по миру. Здесь же о культуре никто не думает. Погибнут конкретные люди, и погибнет культура. Это не восстанавливается. Вот это как раз необратимо.

— У тебя появилась гражданская позиция!

— Я никогда не понимал этого в искусстве. Раньше была фига в кармане. Сыграть не роль, а отношение к роли. В жизни же, хочешь не хочешь, гражданская позиция есть. Правда, эта позиция — не объект актерского творчества. То, что люди делают сами с собой, их личное дело. В собственной судьбе ничего не изменишь, можешь только еще больше ее испортить. Тем более ничего не изменишь в окружающей жизни. Поэтому гражданская позиция есть, но она в каком-то смысле роскошь, так, причуда и немного бред.

— Ты свою судьбу не испортил!

— Я считаю, что я как артист вообще еще ничего не сделал. Во мне это не рождает комплекса. Я радуюсь тому, что имею возможность дальше работать, общаться с людьми.

— Ты разве светский человек!

— Сейчас нет, потому что это стало скучно.

— Тем более что у нас то ли свет, то ли полусвет, то ли полутьма.

— По натуре я светский человек, но всегда себя чувствую одиноко.

— Тебе же очень много помогали, тебя любили!

— Это правда, я всем благодарен, хотя с каждым, кто мне помогал, расплатился работой. Платил по большому счету, своим трудом. Я всегда работал честно. Плохо ли, хорошо, я работал честно, и все, в определенном смысле, сделал сам. То, что мне дали родители, было основой, а остальное все сам. Папа, к сожалению, не был министром культуры, а то мне было бы легче, взял бы деньги и уехал за границу кино снимать. Отчего же нет? Увы, мне приходится все самому. Я человек трезвый, усталый и понимаю, что сделано и так уж немало, конечно, исходя из моих возможностей.

— Сейчас бы уехал за границу!

— Я читаю твои статьи и интервью, ты что, всех об этом спрашиваешь?

— Нет, только тех, кто устал, к сожалению, их становится все больше.

— Если ничего не делать, то жить лучше там, нельзя умереть с голоду. У нас сейчас можно умереть, а вкусно есть, элегантно жить, дышать свежим воздухом, иметь хорошее настроение — это немало.

— Ты считаешь, что красив? Экзотически красив! Красота требует другой жизни.

— Красив — не красив. В нашем обществе, я уже не говорю о кино, это всегда рассматривалось как недостаток. Я актер с пороком, и мой порок — внешность. Внешность как ценность здесь не существует. Конечно, хочется сохраниться, а кому не хочется? И на Западе не только жить сейчас вкуснее, но и легче жить, себя сохраняя. Здесь же надо выжить, о внешности уже не думаешь. Работаешь ради работы, а не за плату. Этот режим так же не платит, как и предыдущие. В то же время, все бросить невозможно. У меня здесь друзья, близкие, мама... Что, Чарли, поедем в Америку?

Чарли с лаем прыгнул на руки к Андрею. За спиной — пурпурный бархат и старинные часы. Я убрал фотоаппарат, не стал делать снимок. Чарли так уже фотографировали, да и Андрея тоже.

Вадим МИХАЛЕВ.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО